

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

Е.М. АВРААМОВА

Социальная мобильность в условиях российского кризиса

В кратчайшие исторические сроки в России происходит радикальная реорганизация прежней социальной структуры общества. Незавершенность и переходность этого процесса сопровождаются кризисом традиционных норм, образцов поведения, ролей, статусов, системы социального контроля в целом. Это может быть определено как кризис социальной идентичности.

Социальную трансформацию характеризует не только появление ранее невозможных позиций в системе стратификации - прежде всего класса крупных и средних собственников и полярных им слоев "новых бедных" и маргиналов, - но и соответствующая адаптация к вновь возникающим статусно-ролевым позициям, которая предполагает переоценку и перегруппировку оснований как социальной, так и личной идентичности. Как протекают эти процессы в сегодняшней России, мы стремились уяснить в ходе обследования, которое ИСЭПН РАН провел в трех регионах страны - Тамбове, Нижнем Новгороде и подмосковном Дмитрове в 1997 году. В его ходе были опрошены 1 тыс. человек.

В результате обследования выяснилось, что далеко не всегда адаптация к сложившимся социально-экономическим условиям опирается на профессионально-квалификационный потенциал. Об этом, в частности, можно судить по ответам на вопрос "Что вам помогает справиться с трудностями?" (см. табл. 1).

Как видно из таблицы, три позиции, получившие больше всего голосов (наличие подсобного хозяйства, трудолюбие и помощь родственников), никак не предполагают использование личного профессионально-квалификационного потенциала. Профессия занимает лишь четвертое место в иерархии ресурсов выживания. В то же время в число факторов-аутсайдеров попали сбережения и собственность - традиционные признаки среднего класса.

Интересно не только распределение ответов, но и их сочетания, в соответствии с которыми выделяются четыре группы респондентов. Первая (она составляет примерно треть) считает, что справиться с трудностями, вызванными тяжелой экономической ситуацией, можно, имея подсобное хозяйство и опираясь на собственное трудолюбие. В эту группу входят не только пенсионеры, хотя их большинство (соотношение работающих и пенсионеров примерно 1 : 2), но и люди трудоспособного возраста (средний возраст - 52 года), преимущественно рабочие, но также и служащие. Среди тех, кто придерживается мнения, что без огорода "трудно прожить", 46%

А в р а а м о в а Елена Михайловна - кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН) РАН.

Факторы адаптации*

Что вам помогает справиться с трудностями?	Мнение респондентов (в %)	Ранг ответа
Профессия	24,9	4
Способность к переобучению, переквалификации	12,1	6
Трудовой коллектив	2,5	И
Друзья, родственники	26,1	3
Деловые связи	12,7	5
Способность приспособиться к законам российского бизнеса	10,3	7
Имеющиеся сбережения	4,4	10
Имеющаяся собственность	6,4	8
Наличие личного подсобного хозяйства	33,5	1
Умение идти на риск	6,1	9
Трудолюбие	29,2	2

* Предусматривалась возможность назвать несколько позиций.

городских жителей со средним и 28% с высшим образованием. Наличие огорода, личного подсобного хозяйства стало спасением для многих не только сельских, но и городских семей. Выращенные продукты являются основными в питании 10% семей, проживающих в областных центрах, и 28,8% живущих в районных центрах.

Вторая по численности группа (примерно четверть ответивших) возлагает свои надежды на профессию, деловые связи и наличие сбережений. В ней примерно поровну представлены рабочие и служащие, работники частного и государственного секторов экономики. Средний возраст респондентов этой группы — 38 лет. В нее входят преимущественно жители областных центров.

Третью группу (около 15%) составляют те, кто видит выход из экономического тупика в смене деятельности. Они уверены, что смогут переквалифицироваться, пойти на риск, приспособиться к "законам российского бизнеса". Здесь представлены в основном молодые люди: средний возраст - 26 лет.

Наконец, четвертую группу образуют люди, рассчитывающие на помощь родственников. Таких, к моему удивлению, оказалось около четверти опрошенных. Ситуацию несколько прояснили фокусированные интервью, взятые у жителей Таганрога. Респонденты объяснили, что те из родственников, часто даже не прямых, кто сумел хорошо адаптироваться, принимают на себя либо полную, либо частичную ответственность за находящихся в наиболее сложном материальном положении. Это может выражаться не только в регулярной денежной помощи (такую помощь, по данным наших обследований, получает 17% семей), но и в разовой помощи, материальной поддержке в виде оплаты образования детей или покупки предметов длительного пользования.

Данные проведенного обследования, таким образом, показывают, что в России преобладают пассивные, не связанные с реализацией личностного профессионально-квалификационного потенциала формы адаптации. Среди активных форм превалирует дополнительная занятость, которую можно рассматривать как основную форму адаптации населения к новым экономическим условиям. Снятие запретов и ограничений на совместительство, а также прессинг материальных обстоятельств обусловили значительный рост вторичной занятости. Об этом пишут многие исследователи. Так, по данным социологических опросов, каждый шестой-седьмой занятый имеет дополнительную оплачиваемую работу [1]. Расширяются периферийные зоны рынка труда, связанные с кратковременной и неполной занятостью. Население вовлекается в сферы самостоятельной (легальной и полуполулегальной) занятости.

Распределение респондентов по профессиональному статусу на основной работе и размеру дополнительного заработка (в %)

Профессиональный статус	Размер дополнительного заработка			
	до 500 руб.	от 500 руб.	от 1 до 3 тыс. руб.	от 3 до 6 тыс. руб.
		до 1 тыс. руб.		
Неработающие	25,6	20,0	5,7	8,7
Рабочие	24,8	25,2	30,5	30,4
Служащие	33,9	34,1	36,2	17,4
Руководители низшего и среднего звена	10,5	12,3	18,1	8,7
Руководители высшего звена	5,2	8,4	9,5	34,8

Реальные масштабы дополнительной занятости достаточно сложно определить, во-первых, из-за различия методик оценки, а во-вторых (и это главное), из-за неофициального, неформального и нерегулярного характера вторичной занятости. Поэтому доля взрослого населения, включенного в дополнительную деятельность, приносящую доход, колеблется от 40% [2] до 1%, по данным Госкомстата. Сопоставление различных методик выявления дополнительной занятости и методик определения ее масштабов позволило установить интервал в 15-18% как весьма достоверно представляющий охваченное ею взрослое население страны [3]. Наши данные (21,4%) близки к этому интервалу. Кроме того, они дают возможность уточнить, какие социально-демографические характеристики респондентов в большей степени предполагают включенность в дополнительные виды деятельности: это прежде всего люди в возрасте 20-40 лет, причем преобладают мужчины. Установлено также, что чем выше уровень образования, тем скорее респонденты находят виды деятельности, приносящие дополнительный доход. Вместе с тем, чем ниже зарплата на основном месте работы, тем скромнее приработок, и наоборот. По нашим данным, доход 57% имеющих дополнительные приработки не превышает 500 руб. в месяц; 22,8% получают от 500 руб. до 1 тыс. руб.; 15,4% - до 3 тыс. руб. и 3,4% - от 3 до 6 тыс. руб. Из всех респондентов, имеющих вторичную занятость, 20,4% составляют неработающие, 25,7% - рабочие, 33,8% - служащие, 12,2% - руководители низшего и среднего звена, 4% - руководители высшего звена. Соотношение размеров дохода от дополнительной деятельности респондентов и их профессионального статуса отражает таблица 2.

Видно, что "потолок" доходов неработающих (неопределенный статус, включающий безработных, временно неработающих и т.д.) составляет 1 тыс. руб. Это нерегулярные виды подработок. Как рабочие, так и служащие примерно равно представлены во всех доходных группах. Особая группа - руководители высшего звена, которые редко идут на дополнительную работу, но если идут, то на высокооплачиваемую.

Более половины рабочих по основному месту работы не меняют профессиональный статус, еще треть имеют разовые подработки. 17% служащих по основному месту работы в качестве дополнительной имеют рабочую профессию, 37% служащих не меняют статус, а треть заняты нерегулярно. Интересно, что каждый десятый рабочий и служащий рассматривает себя в качестве предпринимателя по дополнительной занятости. Особый случай - руководители высшего звена: они или имеют нерегулярные, но высокие дополнительные заработки, или становятся предпринимателями.

Важно определить основные стратегии поведения людей в случае, если предприя-

Стратегии поведения респондентов в условиях кризисного положения предприятий

Варианты поведения	Число респондентов (в %)	Ранг
Продолжают ходить на работу, ничего не предпринимая	31,7	2
Продолжают числиться на предприятии, но реально работают в другом месте	34,6	1
Пытаются перейти на другое предприятие и продолжать работать по специальности	14,4	3
Пытаются получить другую специальность	7,6	4
Пытаются защитить свои права (например добиться выплаты зарплаты через суд)	4,3	6
Собираются участвовать (или уже участвуют) в коллективных действиях – пикетах, забастовках и т.д.	7,4	5

тия, на которых они работают, оказываются в сложном положении (см. табл. 3). А в такой ситуации, как выяснилось, находятся многие (68% респондентов). Согласно полученным в ходе обследования данным, можно говорить о трех стратегиях поведения в кризисных ситуациях. Первую характеризует полная пассивность, выжидательная позиция, надежда на то, что все как-то образуется. Второй тип поведения предполагает различные формы социально-экономической адаптации, в разной степени связанные с использованием профессионально-квалификационного потенциала: один подтип ориентируется на монотанность, а второй - на дополнительную. Третий тип поведения связан с попыткой отстаивания гражданских прав.

Изменения характера занятости существенно повлияли на социальное самочувствие людей. Наши исследования дают возможность рассмотреть результаты социальной идентификации, исходя из оценок, данных респондентами своему общественному положению: 19,8% опрошенных оценивают его как "низкое", 28,1% - как "ниже среднего", 46,2% - как "среднее", 4,8% - "выше среднего" и 1,1% - как "высокое". Обращает на себя внимание существенно более плотная заполненность левой части шкалы (от низкого общественного положения к среднему); в правой ее части (выше среднего - высокое) оказались лишь 6% респондентов.

Прежде всего оценка социального положения связана с занимаемой должностью - с формальным социальным статусом. Связь проявляется в том, что практически никто из рабочих и очень малый процент служащих не оценивают свое социальное положение как "выше среднего" или "высокое". С повышением формального социального статуса (до руководящих должностей различного уровня) число высоко оценивших свое общественное положение увеличивается. Однако есть среди руководящих работников и значительная доля тех, кто считает свое положение "ниже среднего" или "средним", что свидетельствует о несформированности ролевых статусных позиций в современном обществе. Особенно наглядно это видно на примере специально введенного в данный формальный ряд нового достаточно неопределенного статуса "предприниматель": распределение по оценке своего общественного положения представителей данной социальной группы имеет вид параболической кривой. Уровень образования также заметно влияет на социальную самоидентификацию - с повышением уровня образования у респондента повышается и оценка своего общественного положения. Но обращает на себя внимание, что наличие высшего образования не приводит однозначно к позитивному социальному самочувствию.

Полученные данные свидетельствуют о наличии взаимосвязи социальной самоидентификации и сферы занятости. Служба в армии и работа в милиции концентрируют социальную самооценку в узком спектре: "ниже среднего" - "среднее".

Таблица 4

Распределение респондентов по оценкам материального положения и социального статуса

Оценка общественного положения	Оценка материального положения				
	"низкое"	"ниже среднего"	"среднее"	"выше среднего"	"высокое"
"Низкое"	77,4	45,1	16,9	6,6	0,0
"Ниже среднего"	22,6	35,7	29,2	14,5	0,0
"Среднее"	0,0	18,6	51,8	65,0	43,8
"Выше среднего"	0,0	0,3	1,4	13,9	31,2
"Высокое"	0,0	0,3	0,7	0,0	25,0

Таблица 5

Распределение респондентов по степени удовлетворенности общественным положением и его оценке (в %)

Оценка общественного положения	Удовлетворенность общественным положением				
	полностью удовлетворены	скорее удовлетворены	скорее не удовлетворены	совершенно не удовлетворены	затруднились ответить
"Низкое"	3,1	4,4	24,3	54,9	13,3
"Ниже среднего"	2,6	5,9	34,3	46,2	11,0
"Среднее"	3,5	21,8	39,9	22,4	12,4
"Выше среднего"	21,9	65,5	6,3	0,0	6,3
"Высокое"	25,0	62,5	12,5	0,0	0,0

Работа в промышленности, как и занятость в сфере науки, образования, здравоохранения, дает больший разброс с преобладанием низких оценок социальных позиций. Наиболее социально комфортно ощущают себя занятые в сфере торговли и финансов, а также чиновники - работники управления.

Достаточно близки друг к другу оценки социального статуса и материального положения (см. табл. 4), но при этом имеются и существенные расхождения. Прежде всего это касается респондентов, которые, по их собственному мнению, достигли "среднего" материального достатка. Их оценка статусной позиции заметно отстает от оценки благосостояния: 17% тех, кто оценил свое материальное положение как "среднее", считает свой общественный статус "низким", и еще почти треть - "ниже среднего". При этом половина респондентов данной группы достигла баланса материальной и социальной самоидентификации. В более сглаженном виде отставание статусной позиции от уровня благосостояния характерно и для опрошенных, оценивающих свое материальное положение как "выше среднего" (здесь лишь 6% оценивают свой статус как "низкий" и 14% - "ниже среднего"). Представляется, что главной причиной заниженной социальной самооценки является то, что источники дохода, формирующего "достойное" материальное положение, не престижны по меркам, которые ранее были приняты в нашем обществе.

Немаловажное значение имеет проблема соотношения социальной самоидентификации и удовлетворенности достигнутым статусом (см. табл. 5). Полученная здесь картина свидетельствует о высоких статусных притязаниях респондентов: 80% оценивших свое общественное положение как "низкое" и "ниже среднего" не удовлетворены такой статусной позицией, причем большинство из них - "совершенно не удовлетворены". Только пятая часть считающих свою позицию "средней" удовлет-

ворены таким положением. Частичная или полная удовлетворенность соответствует лишь высоким статусным позициям. Представляется, что сама проблема социальной идентификации и удовлетворенности достигнутым статусом связана с возможностью смены статусной позиции, т.е. с проблемой вертикальной мобильности.

Известно, что фактором социальной стабильности является достаточно интенсивная вертикальная мобильность - один из основных адаптационных механизмов, примиряющих респондентов с низким статусом с их позицией и, таким образом, содействующих стабилизации и легитимности общества в целом. Иная ситуация складывается, когда в социальных системах, переживающих крупные институциональные изменения, традиционные ценностные институты (религия, официальная идеология), прежде выполнявшие адаптирующую функцию, ослаблены, но их место не замещено системой ценностей открытого, ориентированного на достижения общества. В этих случаях появляется проблема аномии и других социальных дисфункций. Зафиксированное нами у респондентов отставание удовлетворенности статусной позицией от оценки социального положения как раз и указывает на наличие серьезных препятствий для восходящей мобильности людей, оказавшихся не только внизу, но и на середине социальной лестницы.

Важное обстоятельство, ограничивающее восходящую мобильность в современном российском обществе, - ограниченность сфер, где она в принципе может быть реализована. Наши исследования зафиксировали сильнейшие межрегиональные различия в уровне жизни, размерах текущих денежных доходов, объемах сбережений и уровне адаптированности населения. Заметна прямая и тесная связь адаптации населения с уровнем развития регионов, показывающая "продольную" дифференциацию возможностей социальной мобильности. Также имеется "поперечная" дифференциация, свидетельствующая о различиях в уровне адаптации жителей разных типов поселений, о существенно меньших возможностях жителей средних и малых городов.

Помимо территориальной дифференциации существуют глубокие различия в возможностях адаптации между частным и государственным секторами экономики, а также внутрисекторальные различия, вызванные спецификой экономического положения отдельных отраслей. Кризисное состояние бюджетной сферы, ВПК и отраслей промышленности, связанных с металлургией, с одной стороны, и относительное благополучие торгово-финансовой сферы (до кризиса августа 1998 года), пищевой промышленности и строительной индустрии - с другой, предопределяют принципиально различные возможности адаптации.

Все это свидетельствует об отсутствии универсальных механизмов социальной мобильности, что в значительной мере блокирует не только вертикальные, но и горизонтальные каналы социальных продвижений, ограничивая социальную динамику. Такая ситуация задается совокупностью происходящих в экономике и политике макропроцессов, накладывающих специфический российский отпечаток и на механизм вертикальной мобильности в тех областях, где она реально происходит.

Таким образом, сложившийся в России тип вертикальной мобильности не носит "классически" рыночного характера, при котором денежный доход является прямым следствием позиции на статусной лестнице, достигнутой вследствие определенного уровня образования и квалификации. Важно, что действующий механизм вертикальной мобильности вполне осмыслен населением. Об этом свидетельствуют наши данные. Так, 47,8% опрошенных считают, что для успешного продвижения прежде всего необходимы связи, 42,4% полагают нужным первоначальный капитал, а 29,7% делают упор на трудолюбие. Лишь на четвертом месте среди факторов продвижения оказалась пользующаяся спросом профессия (27,6%), а на пятом - знания и опыт (20,0%). Наконец, 19,7% делают ставку на молодость и энергию, а 16,1% - на умение идти на риск.

Совершенно очевидно, что в общественном мнении сформировалось вполне определенное понимание законов вертикальной мобильности: путь вверх невозможен без

нужных связей и денег, при том что деньги часто являются фактором, производным от связей. Трудолюбие и наличие профессии, пользующейся спросом, оказались факторами второго уровня. Что же касается знаний и опыта, то их считают необходимым условием продвижения к успеху не более пятой части респондентов. Невостребованность квалифицированного персонала или востребованность его только при наличии нужных связей деформирует цепочку "квалификация - доходы - потребление/накопление-частные инвестиции", призванную обеспечить социальную динамику. Кроме того, запутанная и противоречивая правовая ситуация, несовершенство налоговой системы превращают практически любое предприятие в правонарушителя и вынуждают его владельца при найме работников обращать внимание не столько на их профессиональные и деловые качества, сколько на факторы, подтверждающие их безусловную "надежность". При этом доверие со стороны нанимателя и лояльность со стороны работника поддерживаются жесткими санкциями в виде "отлучения" от источников ресурсов или потери рабочего места. К тому же основная для российского частного бизнеса деятельность - торгово-посредническая - и не требует от основной части персонала каких-либо особых знаний и навыков. Таким образом, очевидно, что без институциональных изменений в экономике, декриминализации хотя бы ее основных сфер большинство специалистов имеет очень ограниченные возможности для восходящей мобильности без потери своего квалификационного потенциала.

Итак, можно сказать, что созданные в стране социально-экономические условия позволили сформироваться высшему слою и верхушке среднего слоя, дали импульс формированию среднего слоя, но не позволяют ему расширяться и обрести устойчивость. Потенциальное ядро среднего класса, включающее примерно 15-20% населения, характеризуется хорошими адаптационными навыками, реализацией достаточно успешных стратегий социально-экономического поведения, определенностью статусных позиций. Все это, однако, еще не делает эту часть общества "классом в себе", поскольку в стране хотя и наличествуют важные предпосылки становления среднего класса, но практически отсутствуют, во-первых, стереотипы массового социокультурного поведения, во-вторых, устойчивая самоидентификация, обеспеченная идеологической поддержкой, выступающей в виде признания особого достоинства, символической оплаты за издержки адаптационных усилий.

Сегодня тем более нельзя говорить о "классе для себя", поскольку средние слои не имеют серьезных ресурсов влияния на макропроцессы. Отсутствие значимых горизонтальных связей, поддержки авторитетных общественных организаций делает представителей данного слоя уязвимыми перед угрозой потери позиции, достигнутой в ходе адаптации, что во многих случаях и происходит после августа 1998 года. Не сложилось также и отчетливое понимание классовых интересов, связанных, например, с совершенствованием трудовых отношений в частном секторе. Навыки социальной самоорганизации находились к началу реформ лишь в зачаточном состоянии, и потому горизонтальные связи, начавшие было складываться между людьми к концу советского периода, легко разрушались.

Действующая налоговая система, стимулирующая сокрытие доходов, также не способствует контролю над властью с позиций налогоплательщиков, а, напротив, выводит адаптирующуюся часть населения в сферу теневой экономики. Этому же способствует и расстройство судебной и арбитражной систем.

Все обозначенные противоречия свидетельствуют об отсутствии адекватного новым условиям механизма макросоциализации, который был бы способен поддерживать и подкреплять перспективные модели социального действия, нивелировать неэффективные и подавлять асоциальные модели поведения.

Сложившаяся адаптационная диспозиция относительно поддержки или оппозиции реформам (в активном или пассивном видах), определяющая перспективы реализации предпринимательской и трудовой активности, в решающей степени обуславливает социальные предпосылки экономического развития. Кризис адаптации (провалы продуктивных моделей социально-экономической деятельности, основанных на профес-

сионализме и квалификации) и, наоборот, успех полукриминальной деятельности не только исключают социальную динамику, но и несут угрозу социальной стабильности. Представляется, что невозможность для большинства населения реализовывать свои социально-экономические притязания, повышать или хотя бы поддерживать социальный статус будет блокировать продвижение по всем другим направлениям преобразований, создавать социальное напряжение, разрушающее согласие в обществе.

Необходимо, таким образом, "разблокировать" механизм социальной мобильности и обеспечить условия для продуктивной социальной динамики, обеспечивающей стабильность в обществе, нарушаемую сегодня глубокой социально-экономической дифференциацией. Одно из главных условий становления позитивной социальной динамики - расширение пространства социальной мобильности, связанное с созданием экономических структур, характеризующихся широким научно-техническим и технологическим многообразием, предложением значительного числа рабочих мест, требующих высокой профессиональной и квалификационной подготовки и обеспечивающих соответствующую оплату труда. Превращение отечественных высокотехнологических отраслей в источник роста отечественной экономики необходимо для перелома сложившегося положения в области социальной мобильности.

Ее пространство должно быть подкреплено сильными мотивационными механизмами, базирующимися на очевидных для большинства населения примерах социального успеха, основанных на реализации профессионально-квалификационного потенциала. Важнейшим обстоятельством, разрушающим "лестницу социальных достижений", является твердая убежденность населения в том, что на ее средние и верхние ступени невозможно подняться, не нарушая действующие законы и общепринятые нормы морали.

Существенный момент в процессе выработки продуктивной индивидуальной жизненной стратегии - "образ будущего". Сегодня нестабильная политическая ситуация, отсутствие четко сформированных правил взаимодействия в социально-экономическом пространстве препятствуют выстраиванию длительных адаптационных стратегий. Это ставит проблему создания позитивных "образов будущего" прежде всего через профессиональный успех, демонстрацию широкого спектра продуктивных сценариев социальной динамики.

Позитивная социальная динамика непосредственно связана с задачами социальной политики по созданию действенной системы норм и санкций, способной убедить людей в том, что эта система отвечает их нравственным представлениям и экономическим интересам. Социальная политика, таким образом, призвана поддерживать равновесие в социальном и экономическом пространстве, препятствовать преуспеванию одних социальных групп за счет подрыва жизнедеятельности других. Для решения этой задачи необходимо укрепить законодательство и правовые отношения, направленные на безусловное соблюдение всеми социальными субъектами некоторых универсальных правил и норм социально-экономической деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Куприянова З., Хибовская Е.* Рынок труда // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1994. № 3.
2. *Останчук А., Красников Е.* Мы живем лучше, чем считаем, но хуже, чем хотим // Московские новости. 1997. № 50.
3. *Рывкина Р.В.* Россия - 1997. Социально-демографическая ситуация. М., 1998. С. 115-121.